
ТІЛТАНУДЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ACTUAL PROBLEMS IN THE LANGUAGE

УДК 81–13

Д.Д. Шайбакова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Казахстан
(E-mail: damina1shaibakova@gmail.com)

Эндогlossная и экзогlossная направленность в коммуникации диаспоры

Две тенденции — сохранение исконного содержания и адаптация к инокультурным условиям — обуславливают специфику существования диаспоры. Они проявляются в коммуникативном поведении ее представителей. В последние годы диаспорой называют русских, проживающих в Казахстане, в других постсоветских странах. Такая квалификация не вполне соотнобразуется с определением диаспоры с точки зрения ее образования. Однако по ряду критериев, в частности, по смешанному культурному коду, восприятию мира, оценочным реакциям, русская этическая общность все же отличается от других. Трансформация сознания русских в инокультурной среде объясняется как необходимостью адаптации к условиям существования в этой среде, так и оценочным отношением к ним. Совокупность черт, характеризующих особенности поведения и восприятия, формирует диаспоральное сознание. Диаспоральное сознание связано с понятием идентичности, которая складывается из национальной, этнической, личностной составляющих. Язык не всегда становится маркером идентичности, так как диаспора может перейти на язык страны пребывания.

Ключевые слова: диаспоральное сознание, идентичность, эндогенный, экзогенный выбор.

Термины «диаспоральное сознание» и «диаспорная идентичность» часто выступают как синонимичные, хотя сам вопрос о существовании диаспорального сознания является дискуссионным. К нему обращаются в рамках исследования развития постколониальных стран, культурных и языковых контактов. Диаспоральное сознание выделяют на том основании, что в сравнении с этнической идентичностью осознание идентичности в диаспоре значительно сложнее: «У представителей такого субэтнуса (диаспоры) существует, как правило, двойное или тройное самосознание: сознание принадлежности к государству — национальная идентичность (nationality), к этносу (ethnic identity) и принадлежности к диаспоре (diasporic identity)», — пишет Г.Ким [1].

Русская диаспора постсоветских стран имеет смешанную идентичность, что объясняется сменой гражданства на той же территории проживания. В российской академической науке идентичность русской диаспоры видят в демонстрации этничности (в этом случае применяют термин «русская диаспора») или общности языка (российская диаспора). Несмотря на спорность подобного рода разделения удовлетворительным следует признать сам факт определения системообразующего стержня диаспоральной корпоративности. Анализ публикаций по проблемам русской диаспоры в Казахстане [2, 3] убеждает в том, что большинство авторов не считают сформировавшейся диаспорой русское население республики именно из-за отсутствия объединяющего стержня. К такому выводу приходит М.Крамаренко, анализируя ближайший период: «Русские в ближнем зарубежье не живут общиной и поэтому не являются диаспорой в классическом виде, так как у них не сформировались эффективные институты внутренней консолидации» [2]. Отрицали возможность диаспоральной концептуализации на постсоветском пространстве А.А. Князев [3;12, 13], С.Ю. Пантелеев [4]. Все эти суждения о диаспоральной идентичности русского/русскоязычного населения основаны на факторе институализации.

Но есть и другие подходы. Так, объединяющим фактором русскоязычного населения Украины М. Рябчук считает «советскость» [5]. В западных же исследованиях центральной является мысль о том, что «проблема российской диаспоры в странах СНГ инспирирована политическими амбициями России и не имеет под собой ни практического, ни академического основания» [6; 11].

Подобного рода квалификация русского населения за пределами России вызывает вопрос: не осложняет ли научное описание категория диаспорной идентичности, диаспорального сознания? Думается, нет. Категория диаспорной идентичности помогает понять сложность процессов взаимодействия своего и чужого в мировоззрении и в коммуникации представителей диаспор структурировать описание этой специфики. Она побуждает искать закономерности, общее в проявлении своего или чужого. В противном случае мы наблюдаем спорадичность, разрозненность, отсутствие системных проявлений в осмыслении процесса взаимодействия контактирующих лингвокультур. Поэтому в методологических целях приемлемо такое обозначение.

По признанию многих ученых, диаспоральное сознание русских в Казахстане находится в стадии становления, так как недолгой является история разрозненного существования единого этноса, есть общее с Россией медийное пространство, русский язык имеет высокий статус в стране. Оно формируется в процессе выработки идеи, скрепляющей все поколения иммигрантов. В основе — понимание исторической судьбы народа [7]. Сотрудничество с Россией, интеграция в рамках существующих экономических сообществ способствуют поддержанию связей русских Казахстана с исторической родиной. Определенное значение имеет религиозный фактор. Так, философ Н.Ильин связывает русскую идентичность с соборностью. На территории Казахстана Русская Православная Церковь имеет более 200 приходов. В целом в стране зарегистрировано более десятка организаций, чья деятельность направлена на сохранение русского языка и культуры. Однако их организационный потенциал невелик, политические ориентации различны, считает М.Крамаренко [2].

Чем же отличается диаспоральное сознание? Характеризуя диаспоральное сознание русских Казахстана, А.А. Шахметова полагает, что следует учитывать: а) общие черты русского менталитета, сформированные исторически (соборность, этатизм, патернализм, хлебосолие, религиозность, лень, самовозвеличивание и бескорыстие и др.); б) ценности советского периода (коллективизм, равенство, патернализм, приоритет трудового коллективизма, противостояние западной культуре); в) смятение после распада СССР (стремление полагаться больше на себя, чем на государство (апатернализм), социальная мобильность и вместе с тем безверие, неуверенность в завтрашнем дне (части русских и др.); г) ментальные представления казахов, воспринятые русскими (уважительное отношение к старшим, гостеприимство) [8].

Безусловно, проблема диаспоры — это проблема и социальная, и психологическая, и политическая, и культурная. Существование в инациональной среде неизбежно требует адаптации, определенной степени ассимиляции. При этом сохранение своей культурной, этнической самобытности побуждает к диаспоральной корпоративности, принятию своей системы ценностей.

Поддержание идентичности происходит в дискурсивной практике, повседневном опыте. Важную роль играет язык как символ этничности и как коммуникативное средство. Диаспора может утратить свой язык или, напротив, не освоить контактный язык страны пребывания. Значение имеет плотность расселения диаспоры. В местах компактного проживания есть более благоприятные условия для сохранения языка. И этот язык развивается, пополняясь новыми единицами, конструкциями. Так, в Казахстане на юге продвижение казахского языка идет более успешно, русские его осваивают в естественных условиях. В ситуациях постоянного взаимодействия этносов происходит формирование смешанного культуротипа, приобретается знание культурной информации, которое составляет обязательную часть коммуникативной компетенции.

В диаспоре происходит постоянное соизмерение своего и чужого, формирование оппозиции «мы» и «они». Одним из следствий этого является оценка, которая в большей степени субъективна, при том, что в коммуникации на одном языке представителей разных культур значения слов, их синтагматика могут быть одинаково понятны [9]. Данное утверждение справедливо по отношению к лакунарным концептам, т.е. к тем, которые отсутствуют в других культурах. Однако и в самых, казалось бы, универсальных концептах есть область несовпадения. Ассоциативные эксперименты, проведенные известным казахстанским психолингвистом Н.В. Дмитриук, выявили «определенную область несовпадения образов сознания русских, проживающих в Казахстане и России». Это показано на примере восприятия некоторых концептов, например, дом и семья. В словаре РАС зафиксировано больше ассоциаций с негативным и нейтральным отношением к родственникам, практически

отсутствует сознание ответственности за семейный клан, не проявляется необходимость «родниться». В полученных ассоциативных реакциях из Казахстана явно проявляется более корпоративное, дружественное отношение к семье и родственным связям, обязательность поддержания этих связей и отношений не только близкими, но и представителями титульного этноса Казахстана» [10; 95]. Такая трансформация сознания русских в инокультурной среде объясняется как необходимостью адаптации к условиям существования в этой среде, так и оценочным отношением к ним: воспринимается лучшее, позитивное. Не случайно для русского восприятия так важны оттенки значений, коннотации, смыслы [9]. Именно прагматически значимые единицы, тексты, модели речевого поведения важно адекватно интерпретировать в целях успешной коммуникации. К «культуроносным» языковым знакам и приемам относятся: 1) безэквивалентная лексика; 2) паремиологические и фразеологические единицы; 3) стилистические особенности; 4) коммуникативные стратегии и тактики; 5) речевой этикет. Так, этикет казахов не допускает критики кого-либо, но можно пожелать человеку того, чего у него нет — доброты, стойкости и т.д., часто в образном выражении. Слово для казаха значимо, орнаментальность речи выполняет не только эстетическую, но и экспрессивную функцию. Потому «нельзя принимать пожелания казахов за комплимент: за ними лежит глубокий философский смысл» [11; 54]. В перманентной бикультурной коммуникации неказахи овладевают данным культурным кодом в процессе социализации. При этом по отношению к обозначенным явлениям в языковой общности есть централы — те, кто старается следовать общепринятым нормам, и маргиналы — пренебрегающие ими. Если в первой группе оказываются представители других культур, то они переформулируют чужую культуру в рамках своего лингвокультурного опыта. Однако для взаимопонимания репертуар семиотических знаний должен быть общим или, по крайней мере, схожим. Говорящий использует знаки, свои и чужие, вербальные и невербальные, соответствующие ситуации общения.

Отмеченные различия в менталитете ставят перед русской диаспорой выбор — эндогенный или экзогенный. Первый нацелен на сохранение этнического, родного содержания, второй допускает проникновение чужеродного. В отношении языка отмечено следующее: «Экzogлоссная направленность обеспечивает ксенизацию языковой системы и является направляющим звеном в цепочке преобразований языковой системы», — констатирует Ю.Кобенко [12]. Экzogлоссия понимается как функционирование языка, при котором «степень цитирования культуры-донора в языке-реципиенте средствами языка-донора чрезвычайно высока» [13; 24].

Обосновывается явление экzogлоссии в социолингвистическом, контактологическом, психологическом планах. В когнитивном плане признается, что особенностью диаспорального сознания является эклектичное представление концептов. Например, концепт «евразийство», актуальный и для России, в казахстанском дискурсе имеет отличное содержание. Для России евразийство — это противопоставление себя Западу и присутствие восточных черт, напротив, для Казахстана — это противопоставление себя Востоку и присутствие европейских черт. Центральноазиатский регион имеет отличительные признаки, которые в последнее время принято квалифицировать как евразийские. Безусловно, они воспринимаются представителями разных этносов, проживающих на территории Казахстана. Соответственно, «дискурсивность языковой личности в инокультурной языковой среде носит амбивалентный характер» [14; 7]. И здесь вопрос заключается в доминировании тенденций пуризма или гибридизации. Готовность русских к гибридизации ряд ученых объясняет диахроническими причинами: «В массовом сознании русских обнаруживается исторически миграционная парадигма. Ее также утверждал факт постоянной колонизации. Русское языковое сообщество — это многомерные субцивилизационные пространства с нечеткими границами. Собственный — эндогенный выбор России заключается в определении вектора ее эволюции как сохранения своей цивилизации. Экзогенный выбор — вероятность существенного ограничения эндогенного выбора или даже отказа от него» [15; 10]. Сказанное по отношению к русскому языковому сообществу вообще в значительной степени проецируется на ситуацию диаспор в постсоветских странах, где этот выбор — эндогенный или экзогенный — обязателен. Люди продолжают жить на земле, которую считают своей, которую не покидали, но они оказались в другом государстве. Роджерс Брубейкер называет подобные случаи диаспорами катаклизма [16]. Такая диаспора стремится сохранить свою независимость, свое социокультурное пространство, связь с исторической родиной. Однако в инокультурном окружении язык не может избежать влияния контактирующего языка. Ш.Саранжи замечает, что в большинстве работ под знаком межкультурной или межэтнической коммуникации рассматривается общение лицом к лицу представителей разных культур, что он предлагает назвать межкультурной прагматикой. По его мнению, из всех школ ближе к пониманию коммуникации представителей разных культур подходит

школа Дж.Гамперца, корнями уходящая в социолингвистику, которая базируется на принципах интерэтнической коммуникации, учете искажений в восприятии, объясняемых корректировкой правилами своей культуры [17; 99]. Дж.Гамперц рассматривает варьирование языка в реально существующих коллективах как диалектальное, или межличностное, и внутриличностное, или наслаивающееся. Диалектальное (межличностное) варьирование происходит в группах, различающихся в социальном или территориальном отношении. Внутриличностное, или наслаивающееся, варьирование отражает взаимодействия и сдвиги в языке у отдельных говорящих. Это способ символизации социальных отношений. Его следствие в языке — замена целых слов. А коннотации связаны с ситуацией [18; 299]. Смещение культурных кодов формирует региональные коммуникативно-прагматические нормы. Чтобы понимать культурные стереотипы, необходим опыт общения. Облегчает усвоение то, что стандартизация речи ведет к формированию коммуникативных клише, которые характеризуются предсказуемостью и в билингвальной коммуникации.

Гамперц признавал, что нет методов формального анализа наслаивающегося варьирования, а именно это мы наблюдаем в межэтнической коммуникации. Здесь возможен метод непосредственно наблюдения групп в определенных ситуациях взаимодействия [19].

Утвердившиеся подходы к описанию национальных и этнических культур не в полной мере применимы к особенностям смешанного культуротипа, синтезу культурных ориентиров, которые характерны для диаспоры, диаспорального сознания и определяют специфику языка, функционирующего в инокультурном окружении [20; 44–48]. Перед учеными здесь стоит задача построения общей типологии факторов, определяющих специфику языка диаспоры. В лингвокультуре диаспоры создается сложное переплетение разнородных признаков, единиц, приемов, механизмов, на что обращает внимание О.Тучина: «Стиль жизни диаспоры формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний, связи историй, культур и языков, а также ориентаций трех факторов отношений: самой диаспоры, принимающей стороны и исторической родины» [21].

Применительно к русскому языку различают диаспоры эмиграции (дальнее зарубежье) и диаспоры «катаклизмов» (по терминологии Роджерса Брубейкера [16; 6]) ближнего зарубежья. Диаспоры «катаклизмов» образовались вследствие дезинтеграции крупных полиэтничных политических образований [16; 6]. Особенностью диаспоры катаклизмов является не перекройка сознания, а его изначальное формирование в смешанной лингвокультурной среде. Вторая особенность — связь с исконным ареалом. В диаспорах эмиграции более частотен сознательный отказ от языка, преобладание воздействия социокультурных факторов на судьбу языка, существование языка преимущественно в устной форме. Во втором типе, т.е. в диаспоре, образовавшейся вследствие распада единого государства, напротив, отмечается сознательное удержание языка, сопротивление ассимиляции, развитие языка, более тесная связь с метрополией. Между тем в языке происходят изменения под влиянием иноэтнической культуры. Важно изучать, как именно влияет лингвокультура принимающей страны на изменение языка диаспоры. Как показывают экспериментальные данные, в постсоветских странах происходят изменения в употреблении языка, а в эмиграции — системные изменения, диффузия (Полински, Эндрю, Земская, Гловинская и др.). В эмиграции вкрапления в русской речи — это лексика из сферы технологий, общественной коммуникации, образования, они демонстрируют знание языка принимающей страны. Такие вкрапления характерны для билингвов. В постсоветских странах, по крайней мере, мы можем судить по странам центральноазиатского региона, вкрапления — это названия реалий культурной и этнической жизни принимающей стороны, безэквивалентная лексика контактирующего языка. Они не мотивированы переключением кода или смешением кода, часто являются облигаторными заимствованиями.

Таким образом, наши рассуждения о специфике восприятия реальности и ее проявлении в коммуникации дают основание для выводов о комплексе отличительных черт, характеризующих диаспору. Условия существования диаспоры, степень интеграции в социум страны пребывания, интенсивность контактов влияют на формирование сознания. Все это проявляется в языковых формулах, языковом выборе.

Список литературы

1 Ким Г.Н. Трилемма корейцев Центральной Азии: диаспоризация, эмиграция, или репатриация? [Электронный ресурс]. — 13.09.2016. — Режим доступа: <http://koryo-saram.ru/trilemma-korejtsev-tsentralnoj-azii-diasporizatsiya-emigratsiya-ili-repatriatsiya/24.09.2014>.

- 2 Крамаренко М. Русские страны СНГ: от диаспоры катаклизма к полноценной общине. В постсоветских государствах русские оказались не готовы жить диаспорой [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=10041>.
- 3 Князев А.А. Этническая идентичность и организационные проблемы русских и русскоязычных общин в Киргизии и Центральной Азии [Электронный ресурс] / А.А. Князев // Русские в Киргизии. — Бишкек, 2008. — 13.09.2016. — Режим доступа: <http://vksrs.com/library/russkie-v-kirgizii/> (дата обращения: 12.07.2016).
- 4 Пантелеев С.Ю. Русские в России и за рубежом: один народ, разные судьбы? [Электронный ресурс] / С.Ю. Пантелеев // Русская идентичность на постсоветском пространстве. — М.: ИнфоРос, 2008. — Режим доступа: <http://libed.ru/knigi-nauka/1226503-1-udk-323-100-87-1611-082-bbk-russkaya-identichnost-postsovetskom-prostranstve-pod-red-panteleeva-inforos-2.php>. (дата обращения: 12.07.2016).
- 5 Рябчук М. Кто самая крупная рыба в украинском пруду (Новый взгляд на отношения меньшинства и большинства) / М. Рябчук // Диаспоры. — 2002. — № 2. — С. 6–31.
- 6 Пилкингтон Х. Чужие на родине (Исследование «диаспоральной идентичности» русских — вынужденных переселенцев) / Х. Пилкингтон, М. Флинн // Диаспоры. — 2001. — № 2, 3. — С. 23–28.
- 7 Ким Г. Диаспоральное самосознание и диаспорный язык [Электронный ресурс] / Г. Ким. — Режим доступа: www.academia.edu.
- 8 Шаяхметова А.А. Языковое сознание и особенности его проявления у представителей русского и казахского этносов (социолингвистический и психолингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — «Теория языка» / А.А. Шаяхметова. — Алматы, 2007. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minatom.net/176940-Yazykovo-soznanie-i-osobennosti-ego-proyavleniya-u-predstaviteley-russkogo-i-kazahskogo-etnosov-sociolingvisticheskiy-i-psiholingvisticheskiy-aspekty.html>.
- 9 Дмитриук Н.В. Русская ментальность и ее трансформация в различном геополитическом пространстве // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Междунар. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. — М.-Калуга, 2006. — С. 94–96.
- 10 Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А.В. Сергеева. — М.: Флинта-Наука, 2004. — 328 с.
- 11 Каракозова Ж.К. Космос казахской культуры / Ж.К. Каракозова, М.Ш. Хасанов. — 3-е изд., перераб. — Алматы: ТОО «Эверо», 2011. — 67 с.
- 12 Кобенко Ю.В. Особенности описания экзогlossной динамики эволюции немецкого языка в условиях американизации [Электронный ресурс] / Ю.В. Кобенко. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/9_KPSN_2011/Philologia/3_83796.doc.htm.
- 13 Снисар А.Ю. Лингвистические рамки и инструментарий теории экзогlossии / А.Ю. Снисар, Ю.В. Кобенко // Вестн. ТГПУ (TSPU Bulletin). — 2011. — 9 (111). — С. 24–27.
- 14 Трубочанинова М.Е. Языковая личность в инокультурной среде: по данным русскоязычной технически опосредованной коммуникации носителей китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 — «Теория языка» / М.Е. Трубочанинова. — Воронеж, 2008. — 23 с.
- 15 Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. — Ч. 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России / Н.И. Лапин // Вопросы философии. — 2015. — № 6. — С. 3–17.
- 16 Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России (перевод с англ. Е.В. Вишневской) / Р. Брубейкер // Диаспоры. — 2000. — № 3. — С. 6–32.
- 17 Sarangi S. Culture. In: Culture and language use / S. Sarangi; G. Senft, J.-O. Östman, J. Verschueren (eds.). Handbook of Pragmatics Highlights. — Vol. 2. John Benjamins Publishing Company, 2009. — P. 81–104.
- 18 Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. — М., 1975. — С. 299–319.
- 19 Gumperz J. Discourse strategies / J. Gumperz. — Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987.
- 20 Шайбакова Д.Д. Маркеры идентичности в дискурсе о языковом вопросе в Казахстане / Д.Д. Шайбакова // Вопросы филологии: науч. журн. — М., 2016. — № 1. — С. 44–48.
- 21 Тучина О.Р. Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях диаспоры: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / О.Р. Тучина // Современные исследования социальных проблем (электронный науч. журн.). — 2012. — № 11(19). — Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tuchena.pdf>.

Д.Д. Шайбакова

Шетжұрт (диаспора) коммуникациядағы эндогlossсты және экзогlossсты бағыты

Байырғы мазмұнын сақтау және өзге мәдениеттік жағдайларға бейімдеу — осы екі тенденция — шетжұрт ерекшелігінің барын ескертеді. Ол шетжұрт өкілдерінің мінез-құлықтарында көрініп тұрады. Соңғы жылдары шетжұрт деп Қазақстанда, басқа посткеңестік елдерінде тұратын орыс халқы атайтын болды. Шетжұрттың пайда болу тұрғысынан анықтап бағалау дұрыс емес. Бірақ бірқатар белгілерімен, атап айтқанда, аралас мәдени кодымен, әлемді түсінуі, пайымды кертартпалығымен орыс этникалық қауымының басқалардан айырмашылығы әлдеқайда бар. Өзге мәдениеттік ортада орыстардың ой-санасының өзгеруі сол елде қалыптасуға, сонымен қатар пайымды арақатынасқа бейімделуге керек екенімен түсіндіруге болады. Мінез-құлығын және қабылдауын сипаттайтын

барлық белгілері шетжұрттық ой-өрісін қалыптастырады. Шетжұрттық ой-санасы сәйкестік деген ұғыммен байланысты, ол ұлттық, этникалық, даралық құрауыштардан құрылады. Тіл үнемі сәйкестіктің маркері болмайды, яғни шетжұрт қоғамы тұратын елдің тілін оқып үйреніп кете алады.

Кілт сөздер: шетжұрттық ой-сана, сәйкестігі, эндогендік, экзогенді таңдау.

D.D. Shaibakova

Endoglossic and exoglossic orientation in diaspora communication

Two trends — the preservation of the original content and adaptation to foreign conditions — determine the specifics of the existence of the diaspora. They are manifested in the communicative behavior of its representatives. In recent years, Russians living in Kazakhstan and in other post-Soviet countries have been called diaspora. Such qualification is not fully consistent with the definition of diaspora in terms of its formation. However, by a number of criteria, in particular, by the mixed cultural code, the perception of the world, evaluative reactions, the Russian ethnic community is still different from the others. The transformation of Russian consciousness in the multicultural environment is explained both by the need to adapt to the conditions of existence in this environment and by the evaluative attitude towards them. The set of features that characterize the characteristics of behavior and perception, forms a diaspora consciousness. Diaspora consciousness is associated with the concept of identity, which consists of national, ethnic, personal components. Language does not always become a marker of identity, since diaspora can go to the language of the host country.

Keywords: diaspora consciousness, identity, endogenous, exogenous choice.

References

- 1 Kim, G.N. (2014). Trilemma koreitsev v Tsentralnoi Azii: diasporizatsiia, emihratsiia ili repatriatsiia? [The trilemma of Koreans in Central Asia: diasporization, emigration, or repatriation?]. *koryo-saram.ru*. Retrieved from <http://koryo-saram.ru/trilemma-koreitsev-tsentralnoj-azii-diasporizatsiya-emigratsiya-ili-repatriatsiya/24.09.2014> [in Russian].
- 2 Kramarenko, M. Russkii stran SNH: ot diaspori kataklisma k polnotsennoi obshine. V postsovetkikh hosudarstvakh russkii okazalis ne hotovy zhit diasporoi [Russian in CIS countries: from the cataclysm diaspora to a full-fledged community. Russians were not ready to live in a diaspora in the post-Soviet states]. *ruvek.info*. Retrieved from <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=10041> [in Russian].
- 3 Knjazev, A.A. (2016). Etnicheskaia identichnost i orhanizaionnye problemy russkikh i russkoiazychnykh obshin v Kirghizii i Tsentralnoi Azii [Ethnic identity and organizational problems of Russian and Russian-speaking communities in Kyrgyzstan and Central Asia]. *Russkii v Kirghizii – Russians in Kyrgyzstan*. Bishkek. Retrieved from <http://vksrs.com/library/russkie-v-kirghizii/> [in Russian].
- 4 Panteleev, S.Ju. (2008). Russkii v Rossii i za rubezhom: odin narod, raznyie sudby? [Russians in Russia and abroad: one people, different destinies?]. *Russkaia identichnost na postsovetском prostranstve – Russian identity in the post-Soviet space*. Moscow: InfoRus. Retrieved from <http://libed.ru/knigi-nauka/1226503-1-udk-323-100-87-1611-082-bbk-russkaya-identichnost-postsovetском-prostranstve-pod-red-panteleeva-inforos-2.php> [in Russian].
- 5 Rjabchuk, M. (2002). Kto samaia krupnaia ryba v ukrainском prudu (Novyi vzhliad na otnosheniia menshinstva i bolshinstva) [Who is the largest fish in the Ukrainian pond (New look at the relationship of the minority and the majority)]. *Diaspora – Diaspors*, 2, 6–31 [in Russian].
- 6 Pilkington, H., & Flinn, M. (2001). Chuzhiie na rodine (Issledovaniie diasporalnoi identichnosti russkikh — vynuzdennyh pereselentsev) [Aliens in the homeland (Russians «diaspora identity» as forced migrants research)]. *Diaspora – Diaspors*, 2–3, 23–28 [in Russian].
- 7 Kim, G. Diasporalnoe samosoznaniie i diaspornyi yazyk [Diaspora identity and diaspora language]. *academia.edu*. Retrieved from www.academia.edu [in Russian].
- 8 Shajahmetova, A.A. (2007). Yazykovoe soznanie i osobennosti eho proiavleniia u predstavitelei russkogo i kazakhskogo etnosov (sotsiolingvistikeskii i psikholingvistikeskii aspekty) [Language consciousness and special aspects of its manifestation among representatives of the Russian and Kazakh ethnic groups (sociolinguistic and psycholinguistic aspects)]. *Candidate's thesis*. Almaty. Retrieved from <http://minat.net/176940-Yazykovoe-soznanie-i-osobennosti-ego-proyavleniya-u-predstaviteley-russkogo-i-kazakhskogo-etnosov-sociolingvistikeskii-i-psiholingvistikeskii-aspekty.html> [in Russian].
- 9 Dmitriuk, N.V. (2006). Russkaia mentalnost i eho transformatsiia v razlichnom heopoliticheskom prostranstve [Russian mentality and its transformation in a different geopolitical space]. Speech activity. Linguistic consciousness. Communicating personalities: *XV Mezhdunarodnyi simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii – 15th International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*. (pp. 94–96). Moscow-Kaluga [in Russian].
- 10 Sergeeva, A.V. (2004). *Russkie: Stereotipy povedeniia, traditsii, mentalnost* [Russians: Stereotypes of behavior, traditions, mentality]. Moscow: Flinta-Nauka [in Russian].
- 11 Karakozova, Zh.K., & Hasanov, M.Sh. (2011). *Kosmos kazakhskoi kultury* [Space of Kazakh culture]. — Almaty: Evero [in Russian].

- 12 Kobenko, Ju.V. (2011). Osobennosti opisaniia ekzhlossnoi dinamiki evolutsii nemetskogo yazyka v usloviakh amerikanizatsii [Special aspects of the German language exoglossic evolution description in the context of Americanization]. *rusnauka.com*. Retrieved from http://www.rusnauka.com/9_KPSN_2011/Philologia/3_83796.doc.htm [in Russian].
- 13 Snisar, A.Ju., & Kobenko, Ju.V. (2011). Lihvisticheskie ramki i instrumentarii teorii ekzhlossii [Linguistic framework and tools of the exoglossia theory]. *Vestnik THPU – TSPU Bulletin*, 9 (111), 24–27 [in Russian].
- 14 Trubchaninova, M.E. (2008). Yazykovaia lichnost v inokulturnoi srede: po dannym russkoiazychnoi technicheski oposredovannoi kommunikatsii nositelei kitaiskogo yazyka [Lingistic persona in a Foreign Culture: according to the Russian-speaking, technically mediated communication of Chinese native speakers]. *Extended abstracts of candidate's thesis*. Voronezh [in Russian].
- 15 Lapin, N.I. (2015). Fundamentalnyie tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii. Ch. 2. Aksiologicheskie predposylki tsivilizatsionnogo vybora Rossii [Fundamental values of civilization choice in the XXI century. Part 2. Axiological background of the civilizational choice of Russia]. *Voprosy filosofii – Philosophy Questions*, 6, 3–17 [in Russian].
- 16 Brubejker, R. (2000). «Diaspory kataklizma» v Tsentralnoi i Vostochnoi Evrope i ikh otnosheniia s rodinami (na primere Veimarskoi Hermanii i postsovetsoi Rossii) [«Diasporas of the Cataclysm» in Central and Eastern Europe and their relations with their homelands (on the example of Weimar Germany and post-Soviet Russia)]. *Diaspory – Diaspors*, 3, 6–32 [in Russian].
- 17 Sarangi, S. (2009). Culture. *Culture and language use. Handbook of Pragmatics Highlights. Vol. 2*. John Benjamins Publishing Company.
- 18 Gamperc, Dg. (1975). Ob etnograficheskom aspekte yazykovykh izmenenii [On the ethnographic aspect of language change]. *Novoie v lihvistike – New in Linguistics. 7. Sociolinguistics*. Moscow [in Russian].
- 19 Gumperz, J. (1987). *Discourse strategies*. Cambridge, Cambridge Univ. Press.
- 20 Shaibakova, D.D. (2016). Markery identichnosti v diskurse o yazykovom voprose v Kazakhstane [Identity markers in discourse on the language issue in Kazakhstan]. *Voprosy filologii – Philology issues*, 1, 44–48 [in Russian].
- 21 Tuchina, O.R. (2012). Samoponimaniie etnokulturnoi identichnosti v usloviakh diaspory: k postanovke problem [Selfunderstanding of ethnocultural identity in the diaspora: to the formulation of the problem]. *Modern studies of social problems (electronic scientific journal)*, 11(19). Retrieved from <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/tuchena.pdf>. [in Russian].